

ДЕЛО СМОТРИТЕЛЬНИЦЫ

— Ну те-с, как наши дела сегодня? — обратился к пациентке доктор Хейдок.

Мисс Марпл слабо улыбнулась ему с белой подушки.

— Кажется, мне действительно лучше, — проговорила она, — но у меня ужасная депрессия. Не могу отделаться от мысли, что мне лучше было бы умереть. Я ведь уже старая. Никому я не нужна, и заботиться обо мне некому.

Доктор Хейдок перебил ее со свойственной ему бесцеремонностью:

— Да-да, последствие типичное для этой разновидности гриппа. Что вам нужно, так это какое-нибудь укрепляющее средство, которое вас взбодрит.

Мисс Марпл со вздохом кивнула.

— Больше того, — продолжил доктор Хейдок, — лекарство уже у меня в кармане!

И он положил на одеяло продолговатый конверт.

— То, что вам нужно. Что-то вроде головолмки, совсем по вашей части.

— Головолмка? — Мисс Марпл оживилась.

— Мой литературный опус, — сказал доктор и слегка покраснел. — Постарался придать форму рассказа. «Сказал он», «сказала она», «девушка подумала» и так далее. В основе лежат реальные факты.

— Но почему головолмка? — спросила мисс Марпл.

Доктор Хейдок усмехнулся.

— Потому что интерпретировать их предстоит вам. Хочу проверить, так ли вы умны на самом деле, как хотите казаться.

И он поспешил ретироваться, подобно тому как парфяне обращались в притворное бегство, чтобы верней поразить врага.

Мисс Марпл взяла рукопись и начала читать:

«— А где же новобрачная? — радушно воскликнула мисс Хармон.

Вся деревня пребывала в нетерпении, желая поскорее увидеть богатую и молодую красавицу-жену, которую Гарри Лакстон привез из-за границы. Преобладало снисходительное мнение, что Гарри — испорченный молодой повеса — просто везунчик. Все и всегда были к нему снисходительны и терпимы. Даже хозяева окон, пострадавшие от его не выходящей цели рогатки, обнаруживали, что их негодование исчезает при виде Гарри, умоляющего великодушно его простить. Он бил стекла, воровал яблоки, таскал кроликов, а несколько позже еще и залезал в долги, путался с дочерью хозяина местной табачной лавчонки, потом ему навязчиво помогли выпутаться и отослали служить в Африку, и вся деревня в лице многочисленных старых дев снисходительно изрекла: «Ну, наконец! Молодо-зелено, теперь он угомонится!»

И вот свершившийся факт: блудный сын вернулся, и не страдальцем, а триумфатором. Гарри Лакстон, как говорится, «стал хорошим». Он взял себя в руки, работал как вол и

наконец встретил и успешно охмурил юную девушку англо-французского происхождения, обладательницу значительного состояния.

Гарри мог бы поселиться в Лондоне или приобрести поместье в каком-нибудь респектабельном графстве, славящемся охотой на лис, но он предпочел вернуться в родные края. И здесь — тут уж сплошная романтика — он приобрел брошенное поместье, во флигеле которого провел детство. В особняке Кингсдин-Хаус никто не жил уже почти семнадцать лет. Постепенно он пришел в упадок и запустение. И лишь в одном его обитаемом уголке жил пожилой смотритель с женою. Особняк представлял собой большое, импозантное и одновременно величественное здание, окруженное заросшим буйными травами садом, деревья обступили его, словно мрачное логово чародея.

Флигель был приятным, без всяких претензий домиком, и его когда-то в течение многих лет арендовал майор Лакстон, отец Гарри. Мальчиком Гарри исходил поместье

вдоль и поперек, знал каждый дюйм здешних роц, а сам старый дом всегда пленял его.

Майор Лакстон умер несколько лет назад, так что на первый взгляд могло показаться, будто Гарри никак не связан с этими местами, — и тем не менее он вернулся и привел молодую жену в дом своего детства.

Разрушенный старый особняк снесли. Целая армия подрядчиков-строителей десантировалась на это место и в удивительно короткий срок, ибо деньги и впрямь способны творить удивительные чудеса, новый дом засиял белизной среди деревьев. Затем появился отряд садовников, за ними последовала вереница фургонов, груженных мебелью.

Дом был готов. Прибыли слуги. И, наконец, дорогой лимузин доставил Гарри с супругой к парадному крыльцу.

Вся деревня поспешила отреагировать на это событие, и миссис Прайс, владелица самого большого в деревне дома, считающая себя главой местного общества, разослала приглашения на вечер, устраиваемый «в честь новобрачной».

Праздник удался на славу, некоторые леди

даже сшили ради него новые платья. Все горели возбуждением, любопытством, страстным желанием наконец увидеть это легендарное существо. Говорят, все походило на сказку.

Мисс Хармон, простодушная и невзрачная старая дева, протискиваясь через толпу, образовавшуюся у входа в гостиную, не смогла удержаться и бросила пробный мяч в виде риторического вопроса относительно достоинств приезжей.

Мисс Brent, тоже старая дева, худощавая и невысокого роста, с вечно кислой миной на лице, подхватила его на лету, и ответ, порхая, слетел с ее уст:

— Ах, дорогая, она совершенно очаровательна. Какие чудесные манеры. И такая молоденькая. Просто завидуешь, когда видишь такую, у которой есть все: и внешность, и деньги, и воспитание — такая утонченная, ни малейшего намека на вульгарность, и наш милый Гарри ее обожает!

— Что вы хотите, — отозвалась мисс Хармон, — они ведь еще молодожены!

Тонкие ноздри мисс Brent понимающе затрепетали.

— Ах, боже мой, неужто вы полагаете...

— Уж мы-то знаем, каков Гарри, — показала головой мисс Хармон.

— Мы знаем, каким он был! Но теперь-то, думаю...

— Ах, — сокрушенно промолвила мисс Хармон, — мужчин-распутников не переделаешь. Обманул хоть одну — станет обманывать и других. Я их знаю.

— И вправду. Ах, бедняжка, — выражение лица мисс Brent стало менее кислым, — она еще с ним нахлебается. Ее просто необходимо предупредить. Интересно, приходилось ли ей слышать хотя бы что-нибудь о его прежних похождениях?

— Все это настолько ужасно, — возразила мисс Хармон, — ей лучше не знать. Представьте себя на ее месте. Да еще при том, что аптека у нас лишь одна.

Та, которую прежде знали как дочку хозяина табачной лавки, теперь являлась женой мистера Эджа, аптекаря.

— Однако для миссис Лакстон, — предположила мисс Brent, — все-таки лучше иметь дело с Бутсом из Мач-Бенхэма.

— Думаю, — заметила мисс Хармон, — Гарри предложит ей это сам.

Еще один многозначительный взгляд.

— И все-таки я полагаю, — продолжала настаивать мисс Brent, — что ей надо знать.

— Какие они звери! — воскликнула Клариса Вейн, обращаясь к своему дяде, доктору Хейдоку. — Нет, эти люди — настоящие звери.

Он посмотрел на нее удивленно.

То была высокая темноволосая девушка, симпатичная, импульсивная и добросердечная. Ее большие карие глаза вспыхнули огнем негодования, когда она продолжила:

— Все эти драные кошки... Все эти сплетни... Все эти намеки.

— О Гарри Лакстоне?

— Ну да, о его интрижке с дочкою лавочника.

— Ах, вот ты о чем! — Доктор пожал плечами. — У большинства людей в молодости бывают подобные истории.

— Конечно, бывают, а потом заканчиваются. Так зачем же теперь вытаскивать их на свет? И продолжать о них толковать спустя многие

годы? Это все равно что пировать на мертвых телах, как вурдалаки или кладбищенские воры.

— Позволь сказать, милочка, что тебе так лишь кажется. Видишь ли, им тут почти совсем не о чем разговаривать, так что неизбежно приходится жить скандалами прошлого. Но интересно знать, почему тебя это так сильно огорчает?

Клариса Вейн прикусила губу и покраснела. Затем проговорила глухим от волнения голосом, что прозвучало у нее очень забавно:

— Они... они выглядят такими счастливыми. Я имею в виду Лакстонов. Молоды, любят друг друга, все у них так прекрасно. Страшно подумать, что все это могут испортить намеки, сплетни, нашептывания и всеобщая бесчеловечность.

— Гм. Понятно.

Клариса продолжила:

— Мы с ним только что разговаривали. Он так счастлив, полон энергии и увлечен и... да, полон трепета... потому что он смог выполнить заветное желание и отстроить Кингсдин. Он радуется как ребенок. А она... понимаете, у меня такое ощущение, что у нее в жизни еще

не было ни одного разочарования. У нее всегда было все. Вы ее сами видели. Что вы о ней думаете?

Доктор ответил не сразу. Иные действительно позавидовали бы Луизе Лакстон, этакому избалованному дитяте фортуны. Но доктора Хейдока ее появление заставило вспомнить припев песенки «Бедная богачка», что была популярна много лет назад...

Хрупкая, невысокая фигурка, льняные волосы, завитые в слишком жесткие кудряшки, обрамляющие лицо, и большие, с грустинкой, синие глаза. Луиза чуть-чуть сутулилась. Бесконечный поток поздравлений утомил ее. Скорей бы уйти. Хорошо бы прямо сейчас, пусть Гарри лишь намекнет. Она взглянула на него украдкой. Какой высокий, широкоплечий, всегда такой веселый посреди этих ужасных скучных людей.

«Бедная богачка»...

— У-у-ф! — это был вздох облегчения.

Гарри обернулся, чтобы бросить на жену полный восхищения взгляд. Они уже ехали домой.

— Дорогой, — проговорила она, — какой это был жуткий вечер!

Гарри усмехнулся.

— Да, жутковатый. Не обращай внимания, моя прелесть. Понимаешь, этого нельзя было избежать. Все эти драные кошки знали меня еще мальчишкой. Они ужасно расстроились бы, если не получили бы возможности взглянуть на тебя вблизи.

Луиза ответила ему гримаской.

— Нам обязательно придется теперь их всех принимать?

— Что? Ну уж нет. Они заявятся к тебе с официальными визитами, чтобы вручить визитные карточки, ты на них ответишь, и тем все закончится. Они больше не станут тебя беспокоить, и ты сможешь завести любых друзей, которые придутся тебе по душе.

Луиза помолчала минуты две.

— Неужели здесь поблизости нет приятных людей?

— Ну почему же. Вот, например, семья Каунти, хотя, пожалуй, и они могут тебе показаться скучноватыми. Интересуются преимущественно выпивкой, собаками и ло-

шадьми. Тебе нужно тоже заняться верховой ездой. Тебе это понравится. В Эглинтоне есть конь, которого мне хотелось бы тебе показать. Красавец, прекрасно выезженный, только очень уж норовист, но это единственный его порок.

Автомобиль притормозил, поворачивая к воротам Кингсдина. Внезапно перед ним возникла уродливая фигура, кто-то выскочил на середину дороги перед самой машиной, Гарри крутанул руль и выругался, едва успев избежать столкновения. Им вслед раздались проклятия.

Луиза вцепилась в руку мужа.

— Кто эта... эта ужасная старуха?

Гарри помрачнел.

— Это старая Мургатройд. Они с мужем жили зрителями в старом доме. Жили почти тридцать лет.

— А почему она показала тебе кулак?

Гарри покраснел.

— Она... ну, ей не понравилось, что дом снесли. Конечно, ее уволили. Муж у нее вот уже два года как умер. Говорят, после его смерти она стала вести себя странно.

— Она... она не... не голодает?

Представления Луизы о жизни были туманны и в чем-то наивны. Богатство мешает прямым контактам с реальностью. Гарри рассердился.

— Помилуй боже, Луиза, что за мысли! Разумеется, я назначил ей пенсию... и очень, кстати, хорошую! Подыскал для нее новый дом и все такое.

— Тогда чего же ей нужно? — спросила сбитая с толку Луиза.

Гарри нахмурился, его брови почти соединились на переносице.

— Откуда мне знать? Она с придурью! Была влюблена в дом.

— Но разве он практически не развалился?

— Конечно, развалился... Прямо куски отваливались... крыша текла... находиться там было опасно. И все равно, думаю, он для нее многое значил. Она так долго там прожила. Ну, я правда не знаю! У старой чертовки, наверное, не все дома.

— Она... — с тревогой произнесла Луиза, — думаю, она прокляла нас. Ой, Гарри, мне страшно.

Луизе казалось, что сумасшедшая злая старуха наложила проклятие на ее новый дом. Когда она ехала куда-нибудь на машине, когда каталась верхом, когда выгуливала собак — ее везде подкарауливала одна и та же зловещая фигура. Словно согнувшаяся под собственной тяжестью, в замызганной шляпе на висящих ключьями седых волосах, медленно бормочет проклятья. Луиза, в конце концов, поверила в правоту слов Гарри — старуха действительно была сумасшедшей. Но от этого не становилось легче. Миссис Мургатройд никогда не заходила в дом, в ее угрозах не было ничего определенного, она не угрожала насилием. Ее сгорбленная фигура всегда маячила лишь за воротами. Обращение за помощью к полиции не принесло бы пользы, и Гарри Лакстон в любом случае был против действий такого рода. По его словам, это лишь вызвало бы всеобщую симпатию по отношению к старой бестолочи. Он принимал случившееся не так близко к сердцу, как Луиза.

— Не беспокойся так, дорогая. В конце концов, ей надоеет эта глупая затея с проклятиями. Думаю, это она так просто, чудит.

— Все далеко не так просто, Гарри. Она... она ненавидит! Я чувствую. Она... она желает нам зла.

— Дорогая, она не ведьма, хотя на нее очень похожа! Ты все слишком болезненно воспринимаешь.

Луиза ничего не ответила. Теперь, когда возбуждение, связанное с вселением в новый дом, прошло, она почувствовала себя на удивление одинокой, прямо места себе не находила. Она привыкла жить в Лондоне и на Ривьере. Понятия не имела, что представляет собой сельская жизнь в Англии, и не имела к ней вкуса. Невежда по части садоводства и разведения цветов, она знала только заключительный этап, а именно — «как составить букет». Собаки ей, по правде сказать, были совершенно безразличны. Соседи, с которыми приходилось встречаться, наводили тоску. Больше всего нравились верховые прогулки, иногда с Гарри, а иногда, когда он занимался хозяйством, без него. Она ехала не спеша по рощам и сельским дорогам, наслаждаясь неторопливым шагом красавца-коня: его купил для нее Гарри. Но и Принц Хэл, этот, навер-

ное, самый чуткий из всех гнедых скакунов, начинал пугливо фыркать и косить глазом, когда им встречалась согнутая фигура злобной старухи.

Однажды Луиза собрала в кулак все свое мужество. Случилось это во время одной из обычных пеших прогулок. Обогнав миссис Мургатройд, словно не замечая ее, она уже было совсем прошла мимо, но внезапно вернулась и приблизилась к ней.

— Что такое, — сказала она, слегка взволнованным голосом. — В чем дело? Чего вы хотите?

Старуха молча смотрела на нее, только мутные глазки моргали на хитром и смуглом, как у цыганки, лице, обрамленном седыми космами. В ее взгляде читалось недоверие. Луиза подумала, не пьет ли она.

Та ответила плаксивым, но вместе с тем угрожающим тоном:

— Спрашиваешь, чего я хочу? Взаправду, чего? То, чего у меня взяли. Кто меня выгнал из Кингсдина? Я там жила и девчонкой, и взрослой женщиной аж сорок годков. Выгнать меня было черное дело, и оно выйдет

боком и тебе, и ему, ваша беда тоже будет черной!

— Но у вас, — принялась объяснять Луиза, — теперь есть чудесный домик и...

Тут старуха взорвалась. Взмахнув руками, она выкрикнула:

— А мне-то чего в этом хорошего? Мне нужно мое собственное жилье и мой собственный очаг, у которого я провела столько лет. А что до тебя и его, то я так скажу: не будет счастья вам в новом красивом доме. Он будет вам черным проклятием! Горе вам, смерть и мои проклятия. Чтоб у тебя лицо сгнило.

Луиза отшатнулась и, спотыкаясь, побежала прочь. *«Я должна отсюда убраться, — думала она. — Мы должны продать дом! Нам нужно уехать».*

В тот момент подобный исход казался ей простым. Но полное непонимание со стороны Гарри поразило ее.

— Уехать? Продать дом? Из-за угрозы сумасшедшей старухи? Ты сошла с ума.

— Нет, не сошла. Но она... она пугает меня. Я знаю, что-то должно случиться.

— Предоставь миссис Мургатройд мне, — заявил Гарри Лакстон мрачно. — Я с ней разберусь.

К тому времени между Кларисой Вейн и юной миссис Лакстон установились дружеские отношения. Обе девушки были примерно одного возраста, хотя характер и вкусы их различались. В компании Кларисы Луиза чувствовала себя бодрее. Клариса была такая сильная, такая уверенная в себе. В разговоре с ней Луиза упомянула об угрозах со стороны миссис Мургатройд, но Клариса, похоже, считала эту историю скорее досадной, нежели пугающей.

— Это все так глупо, — сказала она. — Должно быть, сильно действует тебе на нервы.

— Знаешь, Клариса, я... я иногда чувствую себя просто напуганной. Сердце так и начинает колотиться в груди.

— Ерунда, ты не должна допускать, чтобы выходки глупой старухи так на тебя влияли. Она сама скоро от них устанет.

Минуту-другую Луиза не отвечала.

— Ну, что скажешь? — спросила Клариса.

Луиза помолчала еще с минуту, затем ее прорвало:

— Ненавижу это место! Ненавижу жить здесь. Роши и этот дом, и ужасную тишину по ночам, и странные крики сов. О, и здешних людей, и все остальное.

— Людей. Каких?

— Тех, кто живет в деревне. Этих вечно подглядывающих, сплетничающих старых дев.

— И что они такое говорят? — спросила резко Клариса.

— Не знаю. Ничего особенного. Но у них вечно гадости на уме. Когда с ними говоришь, возникает чувство, будто нельзя никому верить, вообще никому.

Клариса постаралась ее успокоить:

— Забудь о них. Им нечем заняться, кроме сплетен. Большинство мерзостей, о которых болтают, они сами же и выдумывают.

— Жаль, что мы вообще сюда приехали, — сказала Луиза, — но Гарри здесь так нравится. — Ее голос потеплел.

Клариса подумала: *«Как она обожает его»*. И проговорила отрывистым голосом:

— Мне надо идти.

— Скажу шоферу, чтобы он тебя отвез. Приезжай опять поскорее.

Клариса кивнула. Луиза почувствовала облегчение от приезда своей новой подруги. Вернувшись, Гарри застал жену приободрившейся и с тех пор просил ее чаще приглашать Кларису в их дом.

Однажды он сообщил:

— Дорогая, у меня есть для тебя хорошие новости.

— Какие же?

— Я все устроил с Мургатройд. Знаешь, у нее сын в Америке. Ну, я и устроил так, чтобы она к нему поехала. И оплачу ей проезд.

— Ой, Гарри, как чудесно. Теперь, может быть, я все-таки полюблю Кингсдин.

— Полюбишь? Да это самое замечательное место на свете!

Луиза слегка вздрогнула. Ей было не так просто избавиться от суеверных страхов.

Если дамы, проживающие в Сент-Мери-Мид, поначалу и надеялись получить наслаждение, наушничая Луизе о прошлом ее мужа,

то вскоре сам Гарри Лакстон развеял их радужные надежды.

Мисс Хармон и Клариса Вейн как раз находились в аптеке мистера Эджа, где первая покупала нафталин, а другая пакетик борной кислоты, когда туда вошли Гарри Лакстон с женой.

Поприветствовав обеих дам, Гарри подошел к прилавку и, едва объявив, что ему нужна зубная щетка, не дал себе закончить начатую фразу и сердечно воскликнул:

— А ну-ка, ну-ка, смотрите, кто тут! Ручаюсь, что это Белла.

Миссис Эдж, поспешившая выйти к прилавку в связи с неожиданным наплывом покупателей, просияла в ответ лучезарной улыбкой, приоткрывшей большие белые зубы. Темноволосая и симпатичная в прошлом девушка теперь превратилась в достаточно милостивую женщину, правда, несколько прибавившую в весе и с немного погрубевшими чертами, но ее большие карие глаза потеплели, когда она произнесла:

— Ну разумеется, это я, Белла, и очень рада опять вас увидеть. Сколько лет прошло.

Гарри обернулся к жене.

— Это Белла, моя прежняя любовь, — объявил он. — Когда-то я совсем потерял от нее голову. Помнишь, Белла?

— Заметь, ты сам это сказал, — ответила миссис Эдж.

Луиза рассмеялась.

— Мой муж обожает встречать старых друзей, — проговорила она.

— О да, — подхватила миссис Эдж, — но и мы вас не забыли, мистер Гарри. Подумать только, женились, а теперь строите новый дом на месте развалин старого Кингсдина, ну просто сказка.

— Вид у тебя прямо цветущий, — не поспешил на комплимент Гарри; миссис Эдж засмеялась и ответила, что с нею-то все в порядке, а вот как насчет его зубной щетки?

Клариса посмотрела на растерянное лицо мисс Хармон и мысленно воскликнула: «Так их, Гарри! Круши и обезоруживай!».

— Что за чепуху болтают о старой миссис Мургатройд, будто та околачивается у Кингсдина, трясет кулаками и прокликает новый

порядок? — неожиданно обратился к племяннице доктор Хейдок.

— Это не чепуха. Все очень серьезно. Луиза ужасно расстраивается.

— Скажи, пусть не тревожится; когда Мургастройды работали зрителями, они только и делали, что ворчали и жаловались; прожили они в поместье так долго лишь оттого, что пили; больше их никуда просто не взяли бы.

— Я ей скажу, — проговорила Клариса с большим сомнением в голосе. — Только не думаю, что она поверит. Старуха от ярости то и дело кричит на нее.

— Когда Гарри был мальчишкой, она его обожала. Не понимаю.

— Ну что же, — проговорила Клариса. — Они от нее скоро избавятся. Гарри оплачивает ей поездку в Америку.

Тремя днями позже Луиза расшиблась насмерть, упав с лошади. Двое из развозившего хлеб фургона видели это собственными глазами. При них Луиза выехала из ворот, при них старуха с криком выскочила на дорогу и замахла кулаками, при них конь испугался, пря-

нул в сторону и понес так, что Луиза Лакстон вылетела из седла.

Один из них остался стоять в растерянности у бездыханного тела, тогда как другой бросился к дому за помощью.

Прибежал Гарри Лакстон, и на него было страшно смотреть. Они сняли с фургона дверь и на ней принесли пострадавшую в дом. Та вскоре умерла, не дождавшись доктора и не приходя в сознание».

(На этом рукопись доктора Хейдока заканчивается.)

Когда на следующий день доктор Хейдок подошел к постели больной, он с удовлетворением отметил, что щеки у пациентки порозовели, и вообще мисс Марпл явно ожила.

— Ну, — обратился он к ней, — каков будет ваш приговор?

— А в чем проблема? — вопросом на вопрос ответила та.

— Ах, дорогая, мне ли вам объяснять?

— Думаю, — сказала мисс Марпл, — все дело в непонятном поведении смотрительницы. Почему она себя так странно вела? Да,

Содержание

СВЯТОЕ МЕСТО	5
НЕОБЫЧНАЯ ШУТКА	51
МЕРКА СМЕРТИ	78
ДЕЛО СМОТРИТЕЛЬНИЦЫ	110
ДЕЛО ЛУЧШЕЙ ИЗ ГОРНИЧНЫХ	139
МИСС МАРПЛ РАССКАЗЫВАЕТ	170
КУКЛА В ПРИМЕРОЧНОЙ	192
В СУМРАКЕ ЗЕРКАЛА	236